

Я заранее прошу прощения у уважаемых соеседников за постыдно длинную реплику, но уж очень важная тема.

Мозг или Сознание (Душа)?

Спор о невосприимчивости поклонников президента к аргументам его противников, о разнице в восприятии действительности между республиканцами и демократами или шире – между консерваторами и либералами, а теперь и о предполагаемом физиологическом (нейробиологическом) отличии в их мозговой деятельности – все эти гипотезы принимают за отправную точку существование человеческого мозга, который нам (и нейробиологам) известен, понятен и, в общем-то завершил своё развитие.

И совсем не принимают в расчёт, что большинство проявлений человеческой деятельности и в том числе – консервативные или либеральные взгляды определяются скорее работой сознания, о котором нам известно очень мало, за исключением того, что оно способно развиваться. То есть, если мозг создаёт саму возможность возникновения сознания, то пути и способы его развития уже в очень условной степени зависят от физиологии.

Грубо говоря, человек не рождается Человеком, но становится им – или не становится. Или в процессе становления застревает на той или иной промежуточной стадии, что в большой мере зависит и от его собственных усилий.

В образной – и довольно категоричной, парадоксальной – форме это однажды выразил И. Бродский, сказав: «Если Брежнев – человек, то я – нет». Он же, кстати, очень часто отказывался объяснять логику своих преследователей и даже вникать в неё. Даже если она у них была, она настолько примитивнее даже простой академической логики, что исследовать её означает намеренно суживать свои мозги, приспособливая их к этому пониженному уровню. Скучно, а может быть и опасно.

Человек способен развиваться и совершенствоваться, что в основном зависит от его стремления к познанию, открытости новым идеям.

В 70-е годы, преисполненные негодования в отношении советского режима, внутри которого нам приходилось существовать, мы радостно и, как нам казалось, с полным пониманием воспринимали действия консервативных республиканских ястребов, жёстко противостоявших этому режиму. Но впереди нам предстояло многое узнать, и теперь, по-прежнему одобряя политику Рейгана в проивостоянии СССР, приходится усложнять свои представления о консерватизме и о Рейгане в том числе, который был, оказывается одним из создателей доктрины нео-либерализма, торжество которой в последовавшие 40 лет привело к нынешнему удручающему экономическому неравенству, кризису демократических институтов и немало ускорило развитие экологического кризиса.

Мы были неправы, мыслили слишком узко. Но если бы нам не свойственна была способность осваивать новые представления, мы сейчас могли бы оказаться как раз среди тех, кто поддерживает Трампа.

У Келли Тейтера, которая излагает взгляды нейробиологов на различие в деятельности мозга либералов и консерваторов, есть два упоминания, которые в статье дальнейшего развития не получили, а они, как кажется, проливают свет на гораздо более глубокие основы проблемы.

Описывая разные функции двух полушарий мозга, автор отмечает определённую область в левом полушарии, ответственную за эмоциональную деятельность, общественное и индивидуальное самосознание (более активную у демократов) и другую область в правом полушарии, определяющую инстинктивные реакции «борьбы или бегства» (преимущественно развитую у республиканцев).

Если принимать во внимание исследование тех же нейрофизиологов, свидетельствующие о том, что между сознанием и физиологией существует подобие обратной связи, и что биологические процессы непрерывны, а эволюция ещё не остановилась, можно с определённым основанием считать вышеописанное наблюдение – некоторым этапом в развитии и тех и других представителей человечества, то есть явлением временным, преходящим, а не окончательно определяющим расстановку сил.

В статье упоминается также исследование психологов в области морали и страха у двух сторон. И их выводы ещё больше подтверждают гипотезу о несинхронном продвижении по лестнице эволюции.

«Консерватизм, как представляется, помогает в защите людей от некоторых естественных трудностей жизни, - говорится в статье, - Это факт, что мы живём не в абсолютно безопасном мире. Несчастья случаются. И если моё мировоззрение позволяет мне увидеть мир в такой перспективе, это даёт возможность удерживать тревогу в приемлемых рамках».

Это наблюдение, если оно верно, явно отсылает к первобытному инстинкту приспособляемости, который – ни много, ни мало – только и позволил человеку выжить и продолжать развитие. Однако, с тех пор у человека появились и новые обстоятельства, и новые возможности.

Ещё одно наблюдение психологов касается морали. На предложение совершить сомнительные поступки – ударить по голове собаку, бранить родителей в лицо или получить при переливании кровь растлителя малолетних – либералы решительно отказались, даже при условии получить миллион долларов. (Характерно, кстати и само условие, предполагающее новое искушение – подкуп!). Но при этом они были менее склонны хранить верность коллективу и более открыты к сопротивлению власти.

Консерваторы оказались менее склонными к компромиссу во всех этих областях.

Но не кажется ли предпочтение личности коллективу и критическое отношение к власти (уважение к правам человека, в сущности) свидетельством чуть более высокой степени самосознания?

Речь идёт не об иерархической оценке. И те, и другие находятся в едином цивилизационном процессе и их участие в нём равноценно. При этом, у либералов, в связи с их повышенным интересом к нововведениям, очень часто появляется стремление процесс ускорить, что обычно приводит к социальным катастрофам. И консерваторы призваны играть сдерживающую – конструктивную в этом случае – роль.

Вполне возможно, что устойчивость убеждений определяется соответствующим физиологическим состоянием мозга. Но состояние это отнюдь не является непреодолимым пределом наших возможностей и не должно таким оставаться.

Единообразно прогрессивным человечество по-видимому, никогда не станет. Или это произойдёт когда человек настолько преобразится – психологически, а может быть и биологически – что уже мало будет походить на наше представление о нём.

И в каждом обществе постоянно сохраняются обе, активно действующие тенденции – консервативная, удовлетворённая уже совершившимся развитием и сопротивляющаяся обновлению, сдерживающая развитие, и либеральная, отстаивающая свободу в стремлении к новым идеям.

Либеральная, прогрессивная тенденция представляет собой гораздо более острую и непосредственную угрозу для консервативной, поскольку ей принадлежит инициатива, которая, будучи осуществлённой, предполагает изменение системы ценностей и образа жизни консерваторов. Она как бы неспособна по природе своей оставить их в покое. Но не это является её целью. Её внимание устремлено в будущее, сознание либералов занимают поиски новых идей, открытие истины, усовершенствование человеческой природы. Их война с консерватизмом вторична и вызвана только вынужденным необходимостью освободиться от удерживающих пут. Когда либералы начинают видеть в консерваторах своего врага и сосредотачивают все свои силы на победе над ними, они сами превращаются в фанатиков и изуверов, что приводит общество к искажённым формам организации и несёт с собой неисчислимы бедствия для человека.

Тогда как у консерваторов единственная причина боевой агрессивности – самостоятельная и независимая деятельность либералов, и весь гнев направлен на них. Они не склонны даже обсуждать предложения, так как любое новшество грозит им гибелью по определению. Можно наверно сказать, что либералы работают на всё человечество, а консерваторы – только на себя. Последним присуще даже некоторое благопристойное достоинство, ибо они кажутся более укоренёнными в жизни, более непосредственно с ней связанными, чем легко расстающиеся с устоявшимися нормами либералы. Такое пренебрежение сложившимися нормами – по существу временными, как и всё в истории – может выглядеть, как отрицание самой жизни. Таким оно представляется консерваторам, и потому их протест обусловлен не сознанием а инстинктами.

Состояние общества, его здоровье определяется тем, какая из тенденций в настоящее время преобладает. А это, в свою очередь, в немалой степени зависит от институтов, пользующихся широким влиянием или практически руководящих повседневной жизнью в государстве. В спокойные времена оба направления находятся в динамическом равновесии, которое позволяет умеренное развитие. И это, может быть, самое разумное состояние общества: либеральные идеи успевают подвергнуться критическому осмыслению и не превратиться в диктаторские или утопические конструкции, а консерваторы оказываются способными мириться с некоторыми огорчениями и неудобствами, так как подсознание говорит им, что на самом деле их существованию никакие новшества не угрожают.

Но и та, и другая тенденция продолжают хранить в себе способность к воспламенению, и на влиятельных, обладающих властью лицах лежит громадная ответственность не допускать такого воспламенения, какие бы цели ни преследовали сами эти лица. В этом заключены смысл и тайна государственного управления. Когда в обществе начинается осязаемый перевес одной из двух тенденций, вина лежит непосредственно на лидере, спровоцировавшем и поощрившем этот перевес. Искать его причины в глубинных истоках самих направлений означает впустую тратить время и снимать ответственность с провокатора, позволяя ему продолжать своё разрушительное дело.

Ещё два слова о возможности убеждать и об аргументировании фактами.

Мы часто в ощущении собственной правоты – может быть и справедливым – упускаем из виду некоторые стороны человеческой психологии. Вооружённые до зубов своей правдой, мы уже на задумываемся о том, что её можно изложить самыми разными способами. Может быть намного полезнее и мудрее не всегда брать быка за рога, а ещё до выяснения принципиальных взглядов попытаться установить обычный, простейший эмоциональный контакт.

Любой человек – либерал или консерватор – станет более расположен к вам, если вы окажетесь способным выслушать его, не выставляя перед собой заранее своё представление о ситуации. Люди, кажется, нуждаются в том, чтобы быть услышанными, прежде чем они сами начнут слушать.

- Трамп обещал показать свои налоги?

- Обещал.

- Он их показал?

- Нет.

- Почему?

- Какая разница? И вообще при чем тут это?

Вопрошающий с самого первого вопроса находится в преимущественной позиции следователя. Странно не то, что допрашиваемый в результате отказывается продолжать диалог. Странно, что он ещё соглашается ответить на два-три вопроса! Он, в сущности готов к разговору, но сам он, как человеческая индивидуальность, следователя не интересуется – и теряет интерес к общению.

Что если повести разговор иначе:

- А вам хотелось бы, чтобы он показал свои налоги?

- Почему вам кажется, что это важно (или неважно)?

- А что если бы в этих налогах открылись какие-то чудовищные злоупотребления?

Как бы вы к этому отнеслись?

- А вас устраивает размер налогов, которые вы платите?

Чаще всего – нам просто лень, иногда мы считаем, что есть более важный вопрос, а иногда кажется, что ситуация настолько ясна, что не заслуживает подробного обдумывания.

И тогда «Трамп» становится «чёрной дырой», в которую немедленно проваливаются все возможные нюансы обстоятельств.

Заставить или вынудить человека думать, развивать своё восприятие и расширять сознание невозможно. Это происходит само собой, загадочным образом и довольно медленно.

Но может быть имеет смысл, в меру наших сил, способствовать этому процессу, стараясь непрерывно удерживать в памяти самые простые психологические принципы человеческого общения. Не забывать, что при всех различиях у каждого есть душа, готовая проснуться. И не отчаиваться, если мы не успеваем дождаться этого счастливого момента.